

Неправильные глаголы 2

Три мужика снова почувствовали непреодолимую потребность ощутить себя «неправильными глаголами». На этот раз в разговоре о медицине, образовании, политике и бабах им открылись такие метафизические истины, что под конец они забыли даже о бутылке.

Константин Рубинский: Давно не виделись, как вы себя чувствуете, господа глаголы?

Юрий Шевелев: В начале лета я сорвал спину на перекладине и четыре дня провел в больнице, которые меня потрясли. Подобный опыт у меня небольшой, но очень волнительный. Еще в советское время побывал в ожоговом центре, обварив себе бок крутым кипятком. Помню огромную палату, кучу больных, в углу у окна стояла кроватка, в которой лежал пристегнутый к ней сумасшедший. Он был забавный, все время орал и смеялся... У меня был ожог степени 3-б, если не ошибаюсь. Курс лечения — месяц. Все случилось незадолго до свадьбы, и ко мне тут же приехала невеста со своей мамой. Будущая теща решительно вывела меня в больничны

двор, утащила в кусты, невесту отодвинула на фиг, чтобы не видела голого мужика, сняла с меня трусы и намазала мумие. И я как-то быстро пошел на поправку, через неделю разогнулся и съездил на примерку свадебного костюма.

Александр Попов: А моя теща, даже когда в трусах меня увидела в коридоре, упала в обморок. Утром после свадьбы.

Ю.Ш.: Красавец?

А.П.: Нет, просто ноги волосатые. Она таких не видела, у тещи-то не волосатые. И видно ужаснулась, что дочке достался такой мужик.

К.Р.: Прямо фамильная трагедия.

А.П.: Да, еле отпоили. Как очнулась, стала причитать: дочь, как ты могла?

К.Р.: Дочка, наверное, видела, не испугалась же.

Ю.Ш.: Это ничего, тяжелый случай, когда спина волосатая.

А.П.: У меня тяжелый... А насчет больницы могу рассказать веселенькое. Как-то я крепко подрался и оказался на операционном столе. Хирурги зашили мне морду, все, мол, вставай, а сами хохочут. Трое их было мужиков, буквально со смеху падают. Я возмутился, чего смешного-то, екарный бабай. Чувствую, они выпивши, день был праздничный. Я трезвый, мне не смешно. Они говорят: подойди к зеркалу, посмотри на себя. Смотрю, а мне к морде пришили салфетку, которой обкладывали операционное поле.

К.Р.: По ошибке, что ли?

А.П.: Ну да, смеются: как ты теперь с салфеткой ходить будешь? Да, нормально, говорю, платок не

надо носовой. Сопли потекли, взял и вытерся. Они извинились, что хохотали, налили мне спирта: ну, ладно, ложись. И отшили салфетку. У меня всегда так, помню, зуб вставлял, тоже после праздника. У врача руки тряслись, зуб упал, он так долго ползал по полу его искал, нашел, не помыл ни хрена ни руки, ни зуб. И вставляет опять. Я ему: «Мужик, ты хоть бы зуб-то помыл». — «Я тебе потом налью, ты продезинфицируешь».

Ю.Ш.: Это частная лавочка была?

А.П.: Нет, еще советская больница, государственная. Зуб этот стоит до сих пор.

Ю.Ш.: А лицо вам зашивали, когда вы уже директором были?

А.П.: Нет, учителем.

К.Р.: Александр Евгеньевич директором меньше дрался. А я вот приобрел уже постсоветский опыт. Порвал мениск, понадобилась операция. В больнице врачам и сестрам надо что-то подарить, иначе даже укол не поставят. Всем подарил, но забыл про анестезиолога. А это же главный врач! Я думаю: ладно, когда меня уже повезут на коляске на операционный стол, я его заверю, что не обижу, мол, сделай все по-человечьи. Положили меня на коляску, привезли в операционную. А анестезиолога просто нет. Я про него с подарком забыл, а он, значит, про меня. Вместо него студенты мединститута. Практика у них. Задача тривиальная: надо «обесточить» ногу, в двух местах сделать укол в нерв. Студенты начинают колоть, видимо, первый раз в жизни, нерв найти не могут. И кололи меня, не совру, раз девяносто. Еще спрашивали: что чувствуете? А так? А так? Сейчас передернуло ногу? Или это судороги уже? А давай-ка иглу побольше. Какие ощущения? Вошли в раж: с передней части бедра не выходит, давай перевернем и сзади поколем. Начинают опять тыкать, я чувствую, что все бедро уже исколото насквозь, боль реальная. Рядом с каталкой стоял столик с ванночкой металлической. Я ду-

маю, а может дотянуться до нее и зафигачить по сусалам этим эскулапам? А демидрол уже вкололи, общее состояние расслабленное, тело можно хоть эсгумировать. Пытка обезболиванием заняла минут сорок, а сама операция минут двадцать. И колено у меня поправилось быстро, но сидеть и лежать я не мог не из-за колена, а из-за того, что бедро превратилось в ромштекс. Тогда я на ус намотал: с нашими врачами шутки плохи. Смешная это история или печальная, не знаю.

Ю.Ш.: Что-то грустно, блин. Вот и мне в июне было грустно. После тренировки заболела спина. Думал, пройдет, но нет. Пошел к другу жаловаться. Он профессор, детский реаниматолог в первой горбольнице. По натуре человек решительный, тут же отправил меня к заведующей неврологическим отделением. Она меня постукала по пяткам и вынесла страшный приговор: в стационар! Прихожу туда, третий этаж, центр города Челябинска. Первый шок: в палатах туалетов нет. Один туалет на 30 мужиков, два унитаза и кабинки без дверей! На подоконнике газеты: «Южноуральская панорама», «Вечерний Челябинск»... Рядом курилка с узкой дверью. Колясочники туда въехать не могут и курят у открытой двери, дым, понятно, тянется не в окно, а в коридор. Кроме меня в палате двое: муж с женой. У него инсульт, она за ним ухаживала, ну и за компанию ее тоже стали лечить.

А.П.: Очень разумно, надо всегда лечиться вместе с женой.

Ю.Ш.: Следующее потрясение: обед в столовой. Попробовал — нельзя, никак, ни в каком состоянии! А люди сидят и едят. Наконец, первая ночь. Тут до меня доходит, что в отделении, где люди лежат с инсультом и поражаем опорно-двигательной системой, нет такой мелочи, как лифт. Ночью из приемного отделения понесли больных, узкая лестница, носилки — и все мимо моей палаты. Днем понял, что сюда

везут без особого разбора. Сидит молодой парень. Чего сидишь? А у него крыша поехала. Гон начался от страха, что в армию заберут. Разбираются и переправляют на АМЗ. Мне прописали капельницы, электролечение, массаж. Стал как-то приспособливаться, правда, в туалет ходил домой, удобно — через дорогу. Знакомлюсь с больными, с медперсоналом. Одна сестра на тридцать мужиков, море капельниц, лес уколов, прочие процедуры. За самыми тяжелыми больными ухаживают волонтеры, родственники, точнее, родственницы. Они тоже пользуются мужским туалетом. И такая фигня каждый день. Непонятно, как психологически люди выдерживают.

К.Р.: Ну, привыкают же, надо просто пожить в больнице подольше.

Ю.Ш.: После первой ночи понял: надо спать дома. Но врач запрещает уходить, дескать, придут из ФОМСа: ах, у вас тут человека нет, а вы бабки сосете страховые! Ну, на третью ночь с субботы на воскресенье я рискнул, дома выспался за две ночи, в больнице не заметили, никого я не подставил. А в воскресенье днем потерялся один мужчина. Он был как бы тихо помешанный. Жена отвлеклась, и он пропал. Все ищут, найти не могут, и в гинекологии на первом-втором этажах искали. Не нашли. Потом случайно заглянули в сестринскую, он сидит перед открытым холодильником и думает. Тихий, смиренный, никому не мешает...

В ночь на понедельник я решил остаться в больнице, чтобы утром договориться с врачом о выписке. Ночь начинается, мужики в трусах гуськом тянутся в туалет, а холодно было, июнь прохладный. И этот товарищ заторможенный тоже. Он с трудом находил обратную дорогу в свою палату и все норовил зайти в нашу. Я один раз довел его до палаты, другой, в шесть утра он сунулся, я отмахнулся, дай хоть чуть-чуть поспать. А уже в семь утра он еще раз пошел в туалет и... вышел через окно. Разбился насмерть.

Я звоню другу, профессору: «Ты спрятался в детской реанимации, живешь в своем мирке четверть века и жизни не знаешь, ты хоть раз был в неврологии?!» И тут он приходит в шок оттого, что я в шоке: «Как же не знаю, когда даже своего любимого педагога профессора Тюрину мы, ее ученики, тащили на носилках в это отделение». А у меня все кипит, думаю, сейчас жажну в прессе про все эти дела, разберусь, кто за что отвечает в нашем здравоохранении? Прихожу к редактору «Челябинского рабочего»: «Борис Николаевич, так и так». Он приглашает корреспондентку, которая по больницам специализируется. Я ей начинаю рассказывать, а она искренне недоумевает: «Чего тут особенного, я вам такое могу рассказать!» И тут до меня стало доходить, что это — норма. Обидно за врачей, что им такая работа досталась. Или такая страна. И ведь они вопреки всему умудряются лечить, помогать людям. Людмила Панова, заведующая неврологией, умница, диагност

от бога! Быстро меня поправила, а скольких еще подняла. Говорят, врачи на Западе особенно не церемонятся, скорее, норовят отрезать что-нибудь за большие бабки...
А.П.: Вы тут коснулись туалета. А в детстве мы спорили с пацанами: какают ли наши вожди — Сталин и Ленин?
Ю.Ш.: Да, детям тоталитарного режима это было важно знать.
А.П.: Когда я стал работать учителем в первой школе, вспомнил этот спор и посчитал, что нехорошо учителю ходить в туалет при детях. И я повадился бегать через дорогу, в райком партии. Сейчас это Центр делового сотрудничества. Много месяцев ходил, все было нормально. Но в одну черную субботу, когда было мало людей, меня раскусил вахтер. И доложил начальству. Прихожу в школу, меня директор вызывает: Попов, говорят, ты ходишь по нужде в райком партии? Я возмущаюсь: а куда же еще?! И они за мной следить стали, чтобы я в райком не бегал.

• • •

Ю.Ш.: Насчет баб. Помните, я пришел в лицей поздравлять с началом учебного года и начал пытаться, где вы были 19 августа 1991 года? Вы признались: до сих пор стыд гложет, что в тот день отказались от свидания.
А.П.: Мы с мужиками сидели, слушали радио, пили водку, искренне переживали, думали о родине... И я забыл, что с дамой договаривался. Она приходит: мы с тобой должны ночь провести. Я объясняю: «Как ты можешь? Не понимаешь, какие дела в стране?» Она обиделась и ушла. А потом дошло до меня: разве бывает то, что стоит женщины? Женщина всего дороже. Нельзя ей отказывать ни из-за революции, ни из-за мятежа. Я — грешник, отказал женщине.
К.Р.: Вспомнил поэму Быкова — «Военный переворот». Там на улице — пугач, а герой в это время в постели с девушкой. И потом сравнивает обессиленность после пугача с изнеможением после бли-

зости. Такое совпадение внешнего и внутреннего состояния. Вот сейчас закончится одно состояние, дошедшее до наивысшей точки, и после будет стагнация, тупик, тишина.

А.П.: Врачи должны задуматься, что если бы все мужики были Дон-Жуаны, Казановы, то не было бы никаких войн, революций, терактов.

К.Р.: Все беды от маленькой пипки, как, например, у Наполеона, он это войнами компенсировал.

А.П.: Надо провести принудительное удлинение, тогда беспорядки прекратятся. Правительству должно всерьез заняться мужиками, чтобы они прекратили воевать, за правду биться. Правда — с бабами. Иди и воюй, совершай подвиги в постели.

Ю.Ш.: А вы эти свои идеи в педагогической практике проповедуете, что нужно не учиться, а за девочками бегать?

К.Р.: Александр Евгеньевич и стал директором школы, потому что там больше женщин.

Ю.Ш.: Наверное, детей надо сразу готовить к половой жизни, убеждать, что это главное в жизни.

А.П.: Нет, я не говорил, что половая жизнь главное. Я говорил о влюбленности...

К.Р.: А у меня в литературной студии, если он и она влюбляются, качество стихов резко падает. Но потом, если у них драма, расставание там, разрыв (а без драм им в этом возрасте скучно), качество снова возрастает, даже перекрывает то, что было.

Ю.Ш.: Я наблюдаю старших товарищей и думаю, действительно бабы — уже последний оплот. Остальные увлечения — деньги, слава, карьера — тушиковые, проходящие...

А.П.: Потому что господь нас на баб запрограммировал.

К.Р.: Еще на поэзию и математику. В математике я не дока, но понимаю, что тут один и тот же потенциал нужен человеку. После «Цифростиший» Попова дошло окончательно.

А.П.: Если бы такое спросили у Ландау и Пастернака, которые жили в одно время, они бы не поняли, о чем спор. Оба величины первого ряда, один физикой занимался, другой — поэзией. Как-то у Блока поинтересовались: «Вы такой рафинированный гуманистический, наверное, трудно с тестем общаться?» — «Отнюдь, хоть я не разбираюсь в химии, но чувствую в нем гения». И Менделеев понимал величие Блока, но от поэзии был далек, слишком много было у него других увлечений.

К.Р.: Математические дети, конечно, рациональнее. Но на уроках поэзии они могут выдвигать совершенно неожиданные, парадоксальные решения.

А.П.: Все-таки в моей школе дети облагорожены математикой, физикой, информатикой. Других детей я толком не знаю. Я работал в двух элитарных школах, в первой школе дети были очарованы английским, французским, немецким, литература там всегда преподавалась глубоко. Наверное, со слабо развитыми детьми я и общаться не сумею. Я учу детей удивляться, а родителей не мешать детям самим доходить до всего.

Ю.Ш.: А дети постарше интересуются происходящим в стране? Из всех СМИ льется такой информационный поток, преимущественно негативный. Они обращаются к вам за помощью, чтобы разобраться в этом дерьме?

А.П.: Нет, потому что я постоянно твержу им одно и то же. Бог есть один, его зовут — математика. Родина — одна, это — математика. Национальность у нас одна — мы математики. Истина одна — математика. Остальное преходящее, математика вечна. А эти все политические моменты — это же фигня. Пройдет.

К.Р.: Они увлечены настолько, что мне кажется, многих вещей просто не замечают.

А.П.: Мы спасаем детей математикой от невзгод и нечистот мира. Математика — это бомбоубежище.

К.Р.: Кстати, то же самое и в

Суздале, куда на Международную летнюю творческую школу приезжают молодые поэты, музыканты, художники. Для них не существует мира, кроме творческого. Не помню, чтобы кто-то задал мне вопрос, связанный с политикой или с сиюминутным «новостным» событием.

А.П.: Хоть какая-то часть детей будет психически здоровой, защищенной от всякой чернухи, которая, конечно, убивает...

Ю.Ш.: Я сам учусь жить у детей и все равнодушнее воспринимаю политический процесс. А насколько прививка от политики бережет выпускников лица во взрослой жизни?

А.П.: Никто из тех, кто у нас закончил 11 классов, не стал политиком.

Ю.Ш.: А чиновником?

А.П.: Есть, но они технари. В администрации города два наших выпускника. Один финансами заведует, другой дорогами. Они в политику не лезут и всегда при деле.

Ю.Ш.: А в бизнесе?

А.П.: Крупных бизнесменов нет. Есть высокооплачиваемые программисты и в России, и за бугром. Очень богатые люди, с виллами, яхтами, самолетами.

Ю.Ш.: Наемные.

А.П.: Да, за их программные продукты им платят бешеные деньги. И зачем самому создавать бизнес, нести риски? Один хозяин разорится, другой будет. Я ведь своим ученикам многие тонкие вещи истолковываю. Например, нередко учителя сетуют, что дети нашли картинки с голыми женщинами и хихикают. И я объясняю, что женское тело — это родина любого из нас. Это наша мама. Мы оттуда вышли. А как можно хихикать над родиной, грязное всякое говорить? Все это естественно, ничего стыдного. Стыдиться надо другого, интимного. А интим — это вера во что-то, в бога, в поэзию, в математику. Как ты веруешь, какой дорогой идешь к своей вере — это интим. Как ты беседуешь с богом или с любимой девушкой наедине — это интим.

Ю.Ш.: Или, к примеру, с рекламодателем.

К.Р.: Да, а у нас сейчас знаете какой самый большой интим, самая личная тема? Деньги. Человек может рассказать все, что угодно, душу вывернуть: с кем спит, во что верит, но какая у него зарплата — это считается постыдным вопросом, непристойной темой. Вот он, нулевой меридиан нашей стыдливости.

А.П.: Нет, вера — это интим.

К.Р.: О вере своей запросто расскажут.

А.П.: Нельзя, грех. Кстати, православие у нас какое-то поруганное. Полукоммунисты, полудемократы все извратили. А это очень тонкая вера. Истинно святые православные никогда ни кичились своей верой, никого в нее затаскивали силой.

Ю.Ш.: Я далек от церкви. Считаю, может быть, самое ценное в ней — такое структурирующее начало — ритуал. Он всех уравнивает.

А.П.: Который веками создавался. Это тоже поэзия. Ритуал — это стихи. Ритуальность надо воспринимать как поэзию. Но для этого почитать, например, Александра Меня. Это был поэт. И дети, которые читали его книги, не будут грязно или потребительски относиться к религии. Если человек искренне верит, он не испортит ничего, а у нас много неискренних. Они же бабки делят.

Ю.Ш.: Черную наличку, которая налогами не облагается.

А.П.: Я в школу попов не пускаю.

К.Р.: Попов не пускает попов.

А.П.: Но если бы в нашем городе служил Мень, я бы его звал, умолял, молился, чтобы он к нам пришел.

Ю.Ш.: Бог — это судьба. Все, что предначертано свыше, то и состоится. И в поэзии, и в религиозной мистике много пересечений. Я их особенно часто сейчас ловлю. Намедни еду мимо одного банка, вдруг звонит его директор.

А.П.: Это нормально, простая истина. Вы подумали о банкире, он вам позвонил. Мысль материализовалась. Обычная штука.

К.Р.: Такими моментами бог дает человеку почувствовать, как поэтичен мир. Наши параллели и совпадения — это рифмы. Рифмуется дата с датой, воспоминание — с найденной фотографией, мысль о возможном событии — с самим событием.

А.П.: И сами мы рифмуем — не обязательно словами. Делами, поступками, цифрами, красками. Бог награждает талантом, ты просто им пользуйся во благо.

• • •

• • •

Ю.Ш.: Я замечаю, чем человек талантливее, тем скорее он становится пофигистом. Может, потому и случаются социальные катаклизмы. Общество в целом инертно, таланты витают в своих эмпиреях, появляется какая-то кучка активных радикалов, которые переворачивают все вверх дном, как ленинские большевики. Сейчас в стране происходят серьезные события, а массам все равно.

К.Р.: Мы уже говорили, что лицеисты получают прививку от новостей, от политики, действуют соответственно своему таланту.

А.П.: В нынешних детях сокрыт опыт отцов и дедов. Ленин нашел рычаг Архимеда, перевернул мир, ну и что, мир лучше стал? Можно снова найти рычаг и опять перевернуть Россию. Разве будет лучше?

Ю.Ш.: В 1991 году опять реально все перевернули. И как стало?

А.П.: Если сейчас новую социальную справедливость устанавливать, в итоге непременно люди погибнут. Надо просто жить — один раз такая возможность предоставляется. Я часто слышу от мужиков: «Посмотри, суки какие, мы работали всю жизнь, а она на «мерсе» едет в 19 лет! А этот сопляк, тоже лет 18, а какая тачка! Убивал бы и резал». И это мои одноклассники говорят. Так слава богу, что молодежь мыслит иначе.

Ю.Ш.: Тогда уж лучше пофигистическая позиция.

А.П.: Конечно. Нужно, чтобы все что-то находили и жили чем-то своим. Хочешь людьми командовать — учись и лезь в политику.

Ю.Ш.: Короче, Обломов милее, чем Штольц.

А.П.: Да они оба нужны, не было бы Обломова, не было бы и Штольца, и наоборот.

Ю.Ш.: Я обожаю Обломова, но если вообразю, что это мой сын...

А.П.: Сейчас заспорим, что первично: материя или сознание. Обломов или Штольц? Или Базаров: хороший или плохой? Да просто Тургенев показал, как оно было.

К.Р.: А нам надо дотошно понять, хорош Базаров или плох. Нет у нас середины. Если она на «мерсе» в 19 лет, то однозначно — проститутка. А этот пацан на БМВ — ее сутенер. На свете очень мало зла, зато много разных «правот». И любая правота другую правоту считает аномальной, сразу выносит приговор.

А.П.: Надо людей защищать. Судей и без нас хватает. Едет себе и ладно, главное, чтобы не разбилась.

Ю.Ш.: Я с одним пожилым водителем беседовал за жизнь. Он ностальгирует по СССР. Говорит, раньше собирались с мужиками в гараже выпить, знакомились: «Ты кем работаешь?» — «Слесарем на ЧТЗ». — «А ты?» — «А я фрезеровщиком на ЧТПЗ». А сейчас молодежь собирается: «Ты кто?» — «Мерчендайзер!» Ну, водитель и ругается, куда катимся: ни заводов, ни фабрик, одни лавки и лавочки.

А.П.: Зато воздух стал чище.

• • •

Ю.Ш.: В этом номере мы о важном говорим, что будет с Россией в XXI веке. Известный политолог предлагает наши активы вроде Сибири и Арктического шельфа предоставить в аренду Западу. Дескать, для их освоения Запад инвестирует свои ресурсы, будет развиваться, а у наших детей появится шанс на нормальную жизнь. Правда, Россия как империя исчезнет.

А.П.: Идея давнишняя. Допустим, есть действительно всеми уважаемый политик, который не только свою утробу набивает. Мы ему верим. И вот он решает продать, скажем, Сахалин — любому, кто даст большую цену. Обещает, что после сделки все наши больницы станут европейского уровня. Люди поклонятся этому политику. Продали Сахалин — подняли здравоохранение, Курилы продали — школы подняли. У нас же нет в стране современных зданий под школы. Но если сейчас у нас проведут референдум и решат продать Сахалин, больницам ведь ничего не достанется!

К.Р.: Проблема не в том, чтобы продать, а в том, что все разворуют.

А.П.: Конечно. Но можно не продавать землю, нам хватает нефти и газа, чтобы образование и медицину сделать нормальными. Но ни у кого нет воли. И ничего не меняется. Да, все можно продать. Я боюсь, что так когда-то и будет. От России останется одна Московия с богатыми купцами, продавшими родину.

К.Р.: Надо продать все правительство и купить новое.

А.П.: Тут одно СМИ ко мне пристало: расскажите про позитив в образовании. Да, есть позитив в образовании, но нужен Петр I. Как он Россию поднимал? Посмотрел: какая страна самая современная? Голландия. Поехал туда и стал учиться. Вернулся и сделал капитализм в России. Где самое современное образование сейчас? В Китае.

Ю.Ш.: А я чего-то не в курсе.

А.П.: Просто наши молчат. Китайцы на много голов нас перегнали. У них лучшие в мире районные школы. Как секретные предприятия, их не показывают никаким делегациям. Китай сейчас завоевывает мир не нефтью и газом, а мозгами. Мир завален китайским товаром, меня это первый раз в Америке поразило, там все китайское. И наплевать, что там коммунистическая идеология. А куда Америка денется? Китайцы им диктуют: все, текстиль наш — не лезть, спорттовары наши — не лезть, вы куда занимаетесь самолетами, потом придет время, и мы займемся авиацией. В Америке

так мозги не делают, как в Китае! Положим, мы нашли молоденького Петю и послали его учиться в Китай. И вот он, 35-летний Петя, возвращается уже наученный, и начинает реформу образования. Нам же Петр нужен в образовании.

Ю.Ш.: Фурсенко вас не устраивает?

А.П.: Да, он простенький...

Ю.Ш.: Его снимут скоро.

А.П.: И что, лучше поставят что ли?

Ю.Ш.: Может, Петра найдут?

А.П.: Никто Петра не поставит образованием командовать.

К.Р.: А ведь интересная идея насчет Петра. Главное, чтобы не заставил всех иероглифы рисовать, когда вернется из Китая.

А.П.: И это не страшно. Петр выучился, вернулся, стал сильным. Он говорит: мужики, все, бляха-муха, никаких наркотиков больше, сразу головы отрубайте, никакого алкоголизма больше, руки отрубайте. Будем учить иероглифы. И спасемся же!

• • •

А.П.: Мы все говорим о справедливости, она, конечно, должна быть. И я предлагаю радикальный выход: вместо выборов будет лотерея! Выпускаются лотерейные билеты, мы покупаем их, кто сколько может, но один бесплатный лотерейный билет положен каждому гражданину.

Ю.Ш.: Как ваучер.

А.П.: Народ наполняет казну, раскупая все лотерейные билеты: кто десять, кто тысячу, а у меня один билет. Потом проводится честный розыгрыш лотереи под контролем международных организаций.

Опа-на! На мой билет выпадет выигрыш — пост президента России. Кто-то выиграл должность премьера, кто-то министра иностранных дел. Все честно, справедливо. Тут же прилетает самолет, меня везут в Кремль. Я — Президент РФ. Никто не против, повезло мне, случай выпал. С чего я начну? Я сменю мораль в России. Она будет мусульманская! Русский язык останется, культура останется, все останется — пить перестанем!

Ю.Ш.: Ради этого?

А.П.: Работать станем, мужское начало возрожу... возродю... в русских, Европе вставим своим мусульманством, кланяться придут, бляха-муха. А я больше ни хрена делать не буду. Специалистов найму, этих имамов, и все! У меня только одна извилина, мне повезло — я в лотерейный билет президентство выиграл. И решил — а вот такая у меня извилина! — поменять мораль. И Россия стала великой! А если другой мужик выиграл, у которого две извилины в башке, или третий, у кого пять!? Лотерея — вот наше спасение! Эйнштейн великий говорил: господь играет с нами в кости. И ведь поймите, мужики, лотерея намного справедливее, чем выборы. И результат лучше. А сколько денег в казну принесем! Сейчас бюджет выборами опустошается, а мы его наполним! А через четыре года новая лотерея.

Ю.Ш.: К новым выборам люди уже пить перестанут.

А.П.: Конечно, и другой человек станет президентом. Это же невозможно, чтобы я снова выиграл из 140 миллионов!

Ю.Ш.: А как же ваш тезис из прошлого номера: я люблю водку?

А.П.: Водка — это моя культура. Она пришла ко мне из юности, я не собираюсь бросать, но мне 62 года, я еще не спился и уже не сопьюсь.

Ю.Ш.: Но все равно надо с себя начинать, если вы указ такой задвинете.

А.П.: Это если я выиграю в лотерею и издам этот указ. Но тут есть одна хитрость. Как-то до командира советской подводной лодки, когда уже СССР рассыпался, добрались западные журналисты: «Представьте, Советский Союз разбит, вы стоите у берегов Флориды с полным боезапасом и можете половину Америки снести, что вы будете делать? Сдадитесь, чтобы жить хорошо, или атакуете Штаты?» И вот гениальный ответ: «Знаете, почему я командир атомной подводной лодки?» — «Почему?» — «Потому что никто не знает, как я поступлю».

Ю.Ш.: Шик.

А.П.: И вот каждый из нас потенциальный президент, нас 140 миллионов, минус уголовники, психи... Получится около 50 миллионов.

К.Р.: А бабы участвуют?

А.П.: Это надо решить.

Ю.Ш.: У мусульман-то бабы на заднем плане.

А.П.: Я тут про свое мусульманство говорю, а сколько других мнений витает! Я все впитываю и умнею, умнею со своей одной извилиной. Возьму чью-то благую идею и на свою чуть-чуть наложу. А когда стану президентом, уже учту миллион мнений.

К.Р.: Тогда водку никак запретить не удастся. Учитывая миллион мнений россиян.

А.П.: Не знаю, может, только ограничу.

Ю.Ш.: Такие умные в начале девяностых собирали ваучеры в чековые фонды и вешали людям лапшу: мы соберем мощный инвестиционный потенциал, выкупим эффективные предприятия. Они оказались умнее тех, кто отдал им кровный ваучер.

К.Р.: Надо организовать партию, продвинуть ее в Думу и там уже лоббировать законы.

Ю.Ш.: У нас же мощное печатное средство: «БИЗНЕС И КУЛЬТУРА».

А.П.: Идею с лотереей можно подать так: мы были в Москве, нам шепнули мысль в высоком кабинете...

Ю.Ш.: Ну да, Вы в мае действительно с Путиным общались...

А.П.: Ага, и нам будто дозволено в журнале намекнуть на эту идею, но чуть-чуть. А дальше — бизнес: мы говорим, что в следующем номере нам разрешат рассказать больше. Все будут скупать журнал и подписываться на него. Невозможно второй номер без первого получить. Только годовая подписка! Но нельзя такую мощную идею себе присваивать. Надо поискать, кто первым в мире придумал лотерею... Положим, это Джон Добкинс, и у него будто бы было прописано, что лотерея когда-то будет работать и в политике. И его время подошло через 150 лет!

К.Р.: Можно уточнить, что он завещал, будто лотерея впервые должна быть опробована на выборах в России.

А.П.: Да, иначе крах всей политической системе. Наконец политики вспомнили идею Хопкинса, то есть Добкинса, и решили добиться, чтобы ему присудили Нобелевскую премию мира. Посмертно.

Ю.Ш.: Круто, но меня беспокоит, когда у нас мусульманская мораль восторжествует, нам разрешат многоженство?

А.П.: Оно необходимо, необходимо! Будут советы муфтиев. Допустим, я уже после президентства муфтий Центрального района Челябинска. Вы пришли ко мне, и просите разрешения жениться. Я выяснил про ваше здоровье, заработок, изучил характеристики с места работы и ЖЭКа. У меня есть советчики, и мы наконец решили, что Юрий Петрович может потянуть одну жену. Тут является Константин Сергеевич, тоже все оценили объективно и для него сошлись на трех женах. Четыре ему не потянуть. Каким-то другим мужикам нельзя, может, по мужской части или по финансовой. Тут надо родословную смотреть, чтобы фигово не производили, чтобы здоровела нация...

К.Р.: А если я хочу одну жену, а вы мне три велите? Двух в нагрузку искать?

А.П.: Нет, зачем? Мы просто скажем, что тобой довольны, ты бы и четыре потянул. Ты выйдешь вдохновленный, будешь балдеть, что тебе такое доверие от имама. На меня молиться будешь, что я доброе слово сказал о тебе, как о мужчине.

Ю.Ш.: Всех баб пристроим.

А.П.: Да, их всех будут любить, кормить.

К.Р.: Но они же ревнивые, а тут у мужа четыре жены — глотки перегрызут друг другу с нашим менталитетом.

А.П.: Мы баб тоже воспитаем. Они станут приходиться ко мне на собеседование, все объясню им про генный уровень, насколько потомство будет улучшаться при сложном обмене между пятью особями... В два с половиной раза потомство станет интереснее.

Ю.Ш.: Математики пойдут, поэты...

А.П.: Шопены... Мы все отслеживать будем.

Ю.Ш.: Думаю в журнале завести татарскую вкладку, у меня есть кандидатура на ее редактора.

А.П.: Ой, жена звонит, наверное, узнала про мусульманство. Алло, Сонь, ну вот мы с Юрием Петровичем и Костей сейчас дорабатываем одну идею... Через 10 минут выйду... У меня же жена еврейка. Тоже трагедия была. На лицо она татарка, а я евреев никогда не видел, потому принял за свою. А потом поздно было, и я страшно переживал — как мои татарские родственники ее примут?

Ю.Ш.: Все-таки у вас глубинный замес к вводу мусульманства. Жизнь научила.

А.П.: У меня русские крови пскопские от матери, а татарские — от отца. Уральский татарин — нормальная национальность.

Ю.Ш.: Нам с Костей будет хуже, потому что у вас лицо ближе к татарскому, а у нас...

А.П.: Это не страшно, мораль изменится и морда изменится. Какой образ жизни ведешь, такая и морда.

К.Р.: Да, сейчас только мусульмане готовы погибнуть за свои убеждения. В других религиях уже не хотят гибнуть за веру.

Ю.Ш.: Только за баб. Кстати, тема следующего номера БК — «Деньги».

А.П.: Мне интересно показывать новые, неожиданные ходы. Нельзя все время видеть один путь, как единственно верный. Чему математика учит? Она никогда однопутной не бывает. Много линий, подходов. Все варианты просматриваешь, просчитываешь, и даже невозможным, тупиковым путем иногда любуешься. Он красивый бывает. Математик — человек свободомыслящий! Ладно, мужики, надо идти, ждет меня жена, единственная и неповторимая.

Ю.Ш.: По большому счету жизненный путь каждого человека тупиковый. Но порою им тоже можно залюбоваться... **БК**